

ТЕОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В СЕКУЛЯРНЫХ ИМЕНОВАНИЯХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА И РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

¹В. В. Волков, ²Н. В. Волкова, ³И. В. Гладилина

Тверской государственный университет

¹кафедра русского языка

²кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества

³кафедра русского языка

Предмет данной статьи – фрагмент русской языковой картины мира, отражающий те особенности национального менталитета россиян, которые находятся в тесной связи с особенностями России как уникальной цивилизации, многонационального и многоконфессионального государства. Авторы, основываясь на методах филологической герменевтики, констатируют историческую преемственность ценностей, с одной стороны, известных с XIX века под названиями *православие, самодержавие, народность*, с другой стороны, фундаментальных ценностей современной российской государственности: *память предков, суверенитет, патриотизм* и др.

Ключевые слова: *теолингвистика, когнитивная лингвистика, религиозные концепты, русская ментальность, филологическая герменевтика.*

Знакомые всем строки поэта и дипломата Ф.И. Тютчева, в которых не столько отвлеченное умозрение, сколько опыт: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать – В Россию можно только верить». Строки знакомые, но загадочные, – не тем, что «особенная статья» (это очевидно), а финальным глаголом – *верить*, причем с предваряющей ограничительной частицей *только*. Заметим: частица *только*, «от-граничивая», фиксирует выделенность из множества, исключительность в каком-то отношении. Эта исключительность – в *вере*. Верить «в Россию» – значит верить в то же, во что верит она сама, в глубинах своего менталитета, своей «народной души», основание которой – Православие.

По-своему не менее знаменитый, чем поэт Тютчев, американский политолог С. Хантингтон в главной своей книге «Столкновение цивилизаций» фиксирует такие фундаментальные отличия православной цивилизации от западной, как «византийские корни» и «ограниченное влияние на нее Возрождения, Реформации, Просвещения» [16, с. 56]. Заметим, что существо всех названных эпох – по отношению к христианству как основоположению европейской цивилизации – сводится к последовательному отторжению от него: Возрождение принесло в Европу античное язычество, Реформация – сектантское своеволие в прочтении христианских истин, а Просвещение – воинствующий атеизм. Христианство как религия богочеловечества, единящая людей в Творце, последовательно замещается в Европе квазирелигиозной идеологией обожествления человека – как «меры всех вещей».

Неоязыческому обожествлению самодовлеющего «я», декларированному как *свободы и права человека* в Конституции Франции («Декларации прав человека и гражданина» 1791 года), граф С. С. Уваров в докладной записке «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения», поданной им императору Николаю I 19 ноября 1833 г., предлагает противопоставить коренные христианские начала – *Православие, самодержавие, народность*, которые позволят России выстоять «посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе» [15, с. 103].

Уваровский перечень – не «нарочно придуманный», он органичный. Выдержав невообразимое количество насмешек со стороны разного рода «прогрессивно мыслящих» личностей, существует до сих пор, – преимущественно не напрямую, а в перифразах, как, например, в старом воинском девизе «За веру, царя и Отечество!»

В современной, сугубо секулярной редакции Конституция Российской Федерации – документальное свидетельство, что наша страна, вполне «по Уварову», как он писал почти двести лет назад, «...к счастью, сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности находится и весь залог будущего ее жребия» [Там же]. Преамбула Конституции, в частности, провозглашает, что народ принимает свою Конституцию, «...что память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы...» [6, с. 3]. Поскольку (1) «память предков» неотделима от Православия, (2) «суверенная государственность» в нашей многонациональной и многоконфессиональной стране нуждается в жесткой, как говорят сейчас, «вертикали

власти», а (3) «демократические основы» предполагают уважение к глубинной воле «простого народа», – то даже один только цитированный фрагмент позволяет утверждать: историческая преемственность в ключевых концептах картины мира русских – россиян, всех граждан нашей страны по-прежнему основывается на началах христианства и родственных ему по духу других мировых религий.

Таким образом, налицо две «прецедентные триады» именовании, фиксирующих одновременно (1) фундаментальные ценности русского менталитета и (2) основания уникальной российской государственности, от истоков до современных конституционных основоположений: в исторической проекции – *Православие, самодержавие, народность*, в современности – *память предков, суверенитет / вертикаль власти, демократизм / патриотизм*. Характер попарной семантической соотносительности между элементами эти триад терминологически фиксировать можно по-разному: именовать соотносительные пары синонимами, квазисинонимами, семантическими аналогами или симилярами – «синонимоподобными» элементами, – существо дела от используемого «терминологического ярлычка» не меняется: историческая лингвоментальная преемственность налицо и не требует каких-то подробных комментариев, ср.: 1) *православие – память предков*; 2) *самодержавие – суверенитет* (*самодержавие = автократия*, где верховная власть принадлежит одному лицу, *суверенитет =* верховная власть самой страны над своей собственной судьбой, при фр. *souverain* ‘верховный’ – из лат. *superus* ‘верхний’); 3) *народность – демократизм / патриотизм*, при очевидных параллелях: *народ* – др.-гр. *demos* ‘народ’ и *pater* ‘отец; основатель, родоначальник’.

Какое русское существительное и/или их (квази)синонимический ряд можно интерпретировать как своеобразный «семантический интеграл» – именование, выступающее в условно-обобщающей функции по отношению к частным ключевым особенностям русского национального и одновременно российского цивилизационного менталитета, обеспечивающего прочность государственного устройства?

Ключевое понятие, однословное фиксирующее христианские истоки русского национального характера, глубоко разработанное в русской славянофильской традиции начиная с А.С. Хомякова (подробно см.: [3]), – это *соборность*, находящаяся в тесной корреляции с секулярным словом *коллективизм*, полагавшимся, в свою очередь, в основание советского «морального кодекса строителя коммунизма». Вслед за Хомяковым в христианской антропологии и социологии считается, что человек обретает полноту лишь в основывающемся на взаимной любви соборном единстве с другими, ср.: «Одинокость человека есть его бессилие, и тот, кто оторвался от своего народа, тот создал кругом себя пустыню, как бы он ни был окружен множеством людей и как бы он ни считал себя чле-

ном общества» [17, с. 114]. Равно и общество обретает цельность лишь через духовное – в Боге единение многих: «...*собор* выражает идею соборания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею *единства во множестве*» [Там же, с. 455].

В Программе КПСС (ныне сугубо историческим документе для огромного большинства граждан нашей страны) инициальное качество в ряду тех черт «коммунистической морали, за утверждение которой выступает КПСС», – именно коллективизм, ср.: «...**мораль коллективистская**. “Один за всех, все за одного” – таков ее основополагающий принцип. Она несовместима с эгоизмом, себялюбием и своекорыстием, гармонично сочетает общенародные, коллективные в личные интересы...» [9, с. 53]. Заметим, что представленная в Программе формула коллективизма, ассоциируемая обычно с романом А. Дюма «Три мушкетера», в разных вариантах бытует в русских пословицах, ср. у В.И. Даля: *Один в поле не воин; Стоять всем за одного и одному за всех; Одному против многих не замышлять; Быть, стоять за-один, за одно* (круговой порукой); *Быти за один муж всем, стоять за один до живота* (стар.) [4, с. 650–651]. Где первоисточник? Не предшествует ли мудрым народным речениям и (тем более) Программе КПСС евангельское слово, главнейшее у Христа: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, *так* и вы да любите друг друга» (Ин 13: 34)? Или народная мудрость как бы «сама собой» оказалась созвучной слову Христа? Не будем пытаться выбрать один ответ из этих двух вариантов, – ограничимся констатацией их разительной близости.

Разумеется, народная мудрость до высоты евангельского слова не дотягивается, но оказывается благодатной почвой, на которой важнейшая христианская заповедь любви дала и ростки, и плоды.

Общеизвестно знаменательное начало речи И. В. Сталина 3 июля 1941 года, в котором он, по точной оценке современного биографа, «вдруг затронул глубинное чувство тысячелетней народной общности», обратившись к народу пятью (!) разными формулами обращения: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» [11, с. 609]. Поясним: «партийное» обращение *Товарищи!*; «гражданское» *Граждане!*; религиозное *Братья и сестры!*; воинское *Бойцы!*; дружески-«родственное» *Друзья мои!* Иными словами: обращается к народу партийный руководитель, глава правительства (по должности – председатель Государственного комитета обороны), моральный (нельзя сказать – религиозный) лидер, военачальник, дружески близкий человек, – всё в одном лице. Символическое, по формулировке Хомякова, «единство во множестве», как призыв к единению всех, кто

причастен к родной земле, и к целостности личности каждого, к единству всех ее компонентов, сколь бы различны они ни были.

Основание *соборности / коллективизма* – естественная, органичная для человека *религиозность* как сознательное или (чаще) бессознательное чувство если не соединенности, то некоей скрыто-теплой общности и с Создателем, и с другими людьми. Классик русской религиозной философии Н. О. Лосский, систематически рассматривая в работе «Характер русского народа» его «нравственные свойства», называет первую главу «Религиозность русского народа», открывает ее утверждением: «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божиим» [7, с. 240]. Обратим внимание в цитате на акцентировку «наиболее глубокая» черта, значит – не вполне осознаваемая.

Все остальные черты русского национального менталитета, по-разному исчисляемые разными авторами, рассмотренные нами в работах [1; 2], в конечном счете восходят именно к (скрытой) религиозности; усмотрение в частных именовании подспудных религиозных (в практике исследования – теолингвистических) компонентов составляет серьезную перспективную задачу когнитивной лингвистики и филологической герменевтики. К примеру, антиномия *судьбы и свободы* разрешается на основе свободного приятия Божией воли как наилучшего варианта *судьбы*, уготованной (1) отдельному человеку, (2) народу и целой нации, (3) государству, облекающему народное тело в плоть исторического бытия. В существительном *подвиг* полезно усматривать связь с *подвижничеством* как (1) внутренним духовным делом отдельного человека, совершающимся в надежде на обожение, и (2) «делом государственным», соотносящимся с представлениями об особой цивилизационной миссии России, в существительном *воля* – нацеленность на соединение Вышней и человеческой воли, личной, общественной и государственной, т. д.

Концентрированное и прикровенно-строгое, в словесном отношении аскетичное выражение фундаментальных основ русского менталитета и одновременно российской государственности – в тексте Государственного гимна России. Семантическое ядро гимна – секулярный парафраз тех смыслов, которые в сакрально-религиозной проекции опредмечиваются лексемами *религиозность* и *соборность*; в тексте гимна это (1) историческая преемственность вековой мудрости, составляющей основание Отечества, оно же – надмирная «предками данная мудрость народная», ментальная основа государственного суверенитета, (2) единство народной воли в верности Отчизне, «хранимой Богом родной земле».

Государственный гимн – текст и музыкальное произведение особого рода, не только «концентрированное выражение государственной

идеологии, национальной идеи» [5, с. 196], но даже в условиях секулярного государства транслирующее древние сакрально-религиозные представления о всеединстве, «нераздельности и неслиянности» секулярных и сакральных, земных и небесных, правовых и нравственных оснований соборного сообщества россиян. Как государственный символ, гимн нацелен на выражение интенций единства, цельности человека и народа, нации и государства, личности и общества, вплоть до их мистического взаимоотождествления.

Текст государственного гимна, при кажущейся простоте, семантически чрезвычайно сложен; по причине глубинных, формально не акцентированных ассоциативных связей он плохо поддается анализу и интерпретации – прежде всего в силу совмещенности в нем секулярных и сакральных компонентов.

Прямолинейный секулярный подход, а именно: обычный лингвостилистический анализ Гимна России – «деконструкция», нацеленная на выявление и дискурсивную оценку изобразительно-выразительных средств, – выявляет богатство использованных средств и стилистических приемов [19], деликатно оставляя за кадром задачу интерпретации их глубинных внутритекстовых смыслов; не менее прямолинейный теолингвистический анализ, нацеленный на сугубо религиозное прочтение ключевых лексем [18], явно преувеличивает возможность корректного прямолинейного прочтения ассоциативных связей гимна с глубинами христианского вероучения. Такие связи есть, но они – прикровенны, они в глубинах исторической памяти ключевых лексем, как корни мощного дерева, на «семантической поверхности» которого современные ствол и ветви, листва и плоды.

Гимн России выражает, по точному выражению Л.Н. Толстого о специфике русского национального характера, «скрытую теплоту патриотизма»; транспонируя эту мысль на целеустановки филологической герменевтики, получаем формулировку задачи: выявить сакрально-секулярную бимодальность семантики ключевых лексем. Христианская семантика ненавязчиво «просвечивает», как «культурная память», в «обычных» секулярных именовании.

Инициальная фраза: «Россия – священная наша держава...». Обратим внимание: 1) не *страна*, не *государство*, именно – *держава*; 2) не *великая* или *могучая*, именно – *священная*.

Как очевидно, сущ. *держава* – от глагола *держать*. В современном толковании *держава* – «независимое государство, ведущее самостоятельную политику» [8, с. 252]. Отсюда – *великие державы*, *сверхдержава*... «Великие» – значит подлинно суверенные, независимые; *сверхдержава* – не значит «очень большая страна», прежде всего – «страна / государство, абсолютно независимое в силу своей самостоятельности и внутренней

мощи». Это современное понимание существительного *держава* лишено ясной связи с вопросом о содержании его внутренней формы: 1) что именно «держит» – *держава*, 2) чем *держава* – «держится»? Ответ не надо «придумывать» – он заложен в определениях *священная* и *наша*: 1) «держит» *держава* – то *святое*, что составляет ее основание, поэтому – *священная*, причем священная держава не только «держит / хранит», но и священным «держится», на нем самосозидается; 2) «держится» *держава* – еще и тем, что она *наша* (притяжательное местоимение), крепка силой своего народа, его верностью, а главное – тем, что она – «хранимая Богом»; по богооткровенному слову, «...держава и страх у Него; Он творит мир на высотах Своих!» (Иов 25:2).

Священный, даже в современном толковании, по первому значению: «Обладающий святостью, признаваемый божественным; священный» [Там же, с. 1166]. *Священный* – суффиксальное образование от *святой*, где у суффикса *-енн(ый)* закономерно усматривается значение «усиленной степени качества», как в (более очевидных) *здоровенный* или *широченный* [10, с. 300]. Соответственно *святой* – «исходящий от Бога; связанный с Богом; близкий к Богу» [14, с. 344]. «Держит» наша держава – *священные* (< *святые*) заветы предков, хранимые религией, – в переложении на современный политический язык, «держит» – «традиционные ценности», они же – ценности Ветхого и Нового Заветов, христианства и других мировых религий. Когда ныне стыдливо-завуалированно говорят «традиционные ценности», то полезно помнить: это ценности богодухновенные, а составное словосочетание «предками данная мудрость народная», в тексте гимна выступающее как перифраз именованья *Отечество*, – не что иное, как опять-таки освоенная народом мудрость мировых религий.

Обратим еще внимание на заключительные строки первого куплета: «Могучая воля, великая слава – / Твое достоянье на все времена». В квазисинонимическом ряду однородных членов – *воля* и *слава*. Сущ. *слава* естественно ассоциируется в современном словоупотреблении с почетной известностью, всеобщим признанием, однако в сакральном смысле *слава* – это «божественное сияние» [Там же, с. 361]; «*Бог в его епифании, то, что Бог открывает, являет*» [13, с. 315]. Далее и *воля*, в секулярном прочтении «сознательное стремление к осуществлению чего-либо» [8, с. 148], обретает и смысл стремления к осуществлению воли Божией, Божиего промысла о России.

В этом контексте строки гимна прочитываются как напутствие современным властвующим: «вертикаль власти», как абсолютная ценность, не замыкается на них как на вершине, поскольку они – лишь проводники Вышней воли. Отсюда евангельское напутствие «совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей

и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте...» (1 Тим 2: 1–2). Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский (1782–1867), пояснял: «... лучшее и полезнейшее для человеческих обществ обыкновенно делают не люди, а человек, не многие, а один. <...> ...неоднократно один судия спасал от врагов и зол целый народ» [12, с. 496]. Помнить об этом – необходимо.

Завершая, отметим: загадочна Россия не только для иностранцев, но и для нас самих, ее граждан. В филологическом контексте – загадочна теми глубинами смыслов ключевых слов, характеризующих особенности национального характера, в которых скрыто извечное стремление к живому ощущению Божьего присутствия, к смиренному соработничеству с вышними силами.

Список литературы

1. Волков В. В., Волкова Н. В. «Ренессанс русской литературы»: национальный менталитет и литература духовного реализма в преподавании русской словесности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 3. С. 147–157.
2. Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В. Русский менталитет и европейская идентичность. Лингвистический и лингвоментальный аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2019. № 1. С. 69–80.
3. Горелов А. А. А. С. Хомяков: учение о соборности и русская община // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 78–97.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М.: Рус. яз., 1999. 780 с.
5. Казаков Г. А. Религиозный пафос советских гимнов // Политическая лингвистика. 2013. № 4(46). С. 196–203.
6. Конституция Российской Федерации (с поправками от 14.03.2020 г.). Федеральные конституционные законы. М.: Мартин, 2020. 64 с.
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра: Основы этики. Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
8. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
9. Программа Коммунистической партии Советского Союза: новая редакция; принята XXVII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1986. 80 с.
10. Русская грамматика: В 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
11. Рыбас С. Ю. Сталин. М.: Молодая гвардия, 2015. 911 с.
12. Святитель Филарет, митрополит Московский. Меч духовный. М.: Ин-т русской цивилизации, 2017. 720 с.
13. Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2008. 432 с.

14. Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М. : Астрель, 2008. 447 с.
15. Уваров С. С. Государственные основы. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 608 с.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
17. Хомяков А. С. Философские и богословские произведения. М. : Книжный Клуб Книговек, 2013. 592 с.
18. Чернушенко М. Гимн России [Электронный ресурс] // Радонеж. ру. URL: <https://radonezh.ru/analytics/gimn-rossii-46773.html>. (Дата обращения: 28.12.2020.)
19. Якоба И. А. Деконструкция Гимна России: выявление дискурсивных сил взаимодействия // Дискурс-Пи. 2017. № 2(27). С. 174–180.

THEOLINGUISTIC COMPONENTS IN SECULAR NOMINATIONS OF THE PECULIARITIES OF RUSSIAN MENTALITY AND RUSSIAN STATEHOOD

¹V. V. Volkov, ²N. V. Volkova, ³I. V. Gladilina

Tver State University

¹ Department of Russian Language

² Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation

³ Department of Russian Language

The subject of this article is a fragment of the Russian linguistic picture of the world, reflecting the peculiarities of the national mentality of Russians, which are closely related to the features of Russia as a unique civilization, a multinational and multi-religious state. The authors, basing their research on the methods of philological hermeneutics, prove that there is historical continuity of values, on the one hand, known since the XIX century under the nominations of “orthodoxy”, “autocracy”, “nationality”, and, on the other hand, the fundamental values of modern Russian statehood: “the memory of ancestors”, “sovereignty”, “patriotism”, etc.

Keywords: *theolinguistics, cognitive linguistics, religious concepts, Russian mentality, philological hermeneutics.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: volknat@mail.ru.

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volk7valery@yandex.ru.

VOLKOVA Natalya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: volknat@mail.ru.

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Head of the Russian Language Department, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: igladilina@yandex.ru.